

Эва Бинчик (р. 1976) – профессор Института философии Университета Николая Коперника (Торунь, Польша).

ПРИЧИНЫ ДЕНИАЛИЗМА

Время, когда идет дискуссия об антропоцене и дестабилизации климата, – это эпоха притворной неосведомленности, желания спрятать голову в песок, уступив успокоительным мифам и иллюзиям наряду с дениализмом. Мы сталкиваемся с множеством глобальных угроз одновременно, затраты на внедрение нужных решений так высоки, а бремя их так тяжело, что отрицание – едва ли не естественная реакция³. Мы задумываемся, насколько реальна опасность серьезной дестабилизации климата. Не сеет ли Межправительственная группа экспертов по изменению климата и многие исследователи излишнюю панику? Действительно ли мы имеем дело с необратимым процессом и дестабилизацией на всех уровнях или же с плавными, постепенными изменениями, к которым

- 1 Статья представляет собой сокращенный вариант второй главы книги Эвы Бинчик «Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена», русский перевод которой готовится к выходу в конце осени 2021 года в серии «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”» издательства «Новое литературное обозрение». Перевод осуществлен по изданию: BIN CZYK E. *Epoka człowieka. Retoryka i marazm antropocenu*. Warszawa: PWN, 2018.
- 2 SPETH J.G. *The Bridge at the Edge of the World. Capitalism, the Environment, and Crossing from Crisis to Sustainability*. New Haven; London: Yale University Press, 2008. P. 40.
- 3 СОСНЕТ Y. *Green Eschatology* // HAMILTON C., BONNEUIL C., GEMENNE F. (Eds.). *The Anthropocene and the Global Environmental Crisis. Rethinking Modernity in a New Epoch*. London; New York: Routledge, 2015. P. 119.

КУЛЬТУРА (ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ) ПОЛИТИКИ

мы научимся и успеем адаптироваться? Многие из нас все еще на это надеются. И мы хотим, чтобы эту надежду поддерживали. Ив Коше, в прошлом министр окружающей среды Франции и член Европейского парламента, в своей работе «Зеленая эсхатология» перечисляет следующие стадии отрицания в международной экологической политике: 1970-е – пределов роста не существует; 1980-е – пределы все-таки существуют, но нам до них еще далеко; 1990-е – вообще-то мы и правда скоро достигнем пределов роста, но рынок и технологии быстро решат наши проблемы; начало XXI века – хотя пределы роста уже близки, необходимо поддерживать экономическое развитие, так как оно обогатит следующие поколения и подготовит их к катастрофе⁴.

Почему в начале XXI века механизмы отрицания столь сильны и популярны? Что подпитывает склонность недооценивать будущее? Попробуем в общих чертах рассмотреть эту проблему, обратившись к категориям социологии эмоций.

Как утверждает в книге «Слон в комнате: молчание и отрицание в повседневной жизни» Эвиатар Зерубавель, социолог и сотрудник Ратгерского университета, общество, и даже человечество в целом, неизменно прибегает к стратегиям замалчивания и отрицания⁵. Игнорирование так называемых «неудобных» вопросов во многих повседневных социальных ситуациях – разновидность дениализма. Следует добавить, что обычное стремление дистанцироваться от происходящего или переключить внимание тоже можно отнести к стратегиям дениализма. По словам Зерубавеля, чаще всего, отрицая нечто, мы одновременно указываем на его противоречие тем или иным фактам. Таким образом мы поднимаемся до высот мета-дениализма.

Вслед за британским социологом Стэнли Коэном, автором книги «Стадии отрицания. Как мы узнаем о жестокости и страданиях», мы можем выделить по меньшей мере три типа дениализма – позиции, предполагающей отрицание проблемы: (1) буквальный дениализм – отрицание сведений о некоем факте; (2) объясняющий/интерпретативный дениализм – принятие факта, которому при этом дается альтернативная интерпретация, как, например, происходит, когда жертв вооруженных гражданских конфликтов нейтрально причисляют к «общим потерям»; и, наконец, (3) имплицитивный дениализм, то есть сознательное бездействие в отношении игнорируемой проблемы. Третий тип дениализма – очень популярная позиция. Час-

4 Сочет Y. *Op. cit.* P. 114.

5 ZERUBAVEL E. *The Elephant in the Room. Silence and Denial in Everyday Life*. London: Oxford University Press, 2006.

то люди осознают наличие проблемы, но сознательно не ищут выхода из тупика или апатии⁶.

Австралийский эколог Гайдн У. Вашингтон в книге «Зависимость человека от природы. Как преодолеть экологический кризис» размышляет о возможных причинах и предпосылках дениализма по отношению к проблеме изменения климата. Часть их носит психологический и когнитивный характер: люди разными способами пытаются защититься от тревоги, которую вызывают потенциальные угрозы и сознание риска. Мысль об опасности сопряжена со стрессом. Еще одна причина дениализма в том, что людям свойственно настороженно относиться к серьезным переменам, а совершенно очевидно, что эффективная политика, направленная на снижение объема выбросов, таких перемен потребует. Одна из причин игнорирования климатического риска кроется в том, что в центре публичного дискурса явно находятся в первую очередь экономические и социальные проблемы. Именно им мы уделяем больше всего внимания, и вокруг них особенно бушуют страсти. Как полагает Вашингтон, тенденция выдвигать на первый план социально-экономические задачи может быть следствием отчуждения обществ в развитых странах от природной среды (большинство людей живут уже в пространстве, подвергшемся значительной урбанизации).

Вероятно, люди еще и не вполне отдают себе отчет, чем грозит дестабилизация климата. Они стараются обезопасить свои дома от пожара, но не обращают внимания на риск, связанный с климатическими изменениями, а ведь он на самом деле гораздо серьезнее. К тому же неспециалисты зачастую не знают, как функционируют экосистемы, недооценивают важность и не понимают значение такой категории современного дискурса наук о Земле, как «критические пороги».

Механизмы работы СМИ тоже способствуют климатическому дениализму. СМИ многое рассматривают предвзято и руководствуются принципом быстрого отсеивания непроверенной информации, умалчивая о связях экспертов с заинтересованными лицами. В США тактика отрицания глобального потепления в массмедиа оказалась чрезвычайно удобной для правительственных ведомств⁷.

В контексте рассматриваемой темы необычайно интересно качественное этнографическое исследование Кари Мари Нор-

6 См.: COHEN S. *States of Denial. Knowing about Atrocities and Suffering*. Cambridge: Polity Press, 2001; ср.: NORGAARD K.M. *Living in Denial. Climate Change, Emotions and Everyday Life*. Cambridge; London: MIT Press, 2011. P. 10; WASHINGTON H.W. *Human Dependence on Nature. How to Help Solve the Environmental Crisis*. New York: Earthscan; Routledge, 2013. P. 91. Добавим, что Коэн не занимался тематикой климатических изменений, а писал о дениализме в контексте нарушения прав человека.

7 WASHINGTON H.W. *Op. cit.* P. 93–96.

гаард «Жизнь в отрицании. Изменение климата, эмоции и повседневность»⁸. Американский социолог, профессор Орегонского университета пытается понять, почему многие люди стремятся вытеснить проблему дестабилизации климата из публичной сферы. Это одна из немногих книг, где поднимается вопрос о том, как люди воспринимают проблему климатических изменений (на эмоциональном, когнитивном, социальном и культурном уровнях). Норгаард анализирует западные общества, в особенности норвежское и американское. Явление всеобщей апатии по отношению к проблеме климатических изменений исследовательница называет «параличом общества»⁹ и неумением заниматься поиском решений. По ее словам, изучение психосоциальных механизмов привело ее к мысли, что «целое поколение, подобно лунатикам, движется в сторону катастрофы»¹⁰.

В своей работе Норгаард следует тезисам Зерубавеля, который рассуждает о механизмах отрицания с точки зрения не индивидуальной психологии, а социологии познания. Как считает Зерубавель, к отрицанию и игнорированию этой проблемы часто приводят социальные контакты. В своих исследованиях Норгаард выходит за рамки чисто психологического анализа дениализма, сосредоточенного на отдельной личности, и ставит вопрос о наборе культурных инструментов, с помощью которых люди могут как выстраивать стратегии деятельности, так и продолжать бездействовать. У Норвегии, по мнению Норгаард, есть особый перечень инструментов, помогающих поддерживать порядок и онтологическую безопасность, равно как и уверенность в собственной невинности – за счет дистанцирования от проблемы ответственности¹¹. Норгаард рассматривает апатию и дениализм в контексте социологии эмоций – как средство, позволяющее гражданам адаптироваться к трудной ситуации, сохранить душевное равновесие и минимизировать негативные эмоции. За апатией, полагает исследовательница, стоит не только осознание дестабилизации климата, но и чувство подавленности¹².

Концепция Норгаард строится на полевых исследованиях, проведенных ею в 2001 году (в январе этого года вышел третий отчет Межправительственной группы экспертов по изменению климата) в одном из городов Норвегии. Автор книги «Жизнь в отрицании» опирается также на интервью со студентами и жителями сельских территорий в Соединенных Штатах,

8 NORGAARD K.M. *Op. cit.*

9 *Ibid.* P. 12

10 *Ibid.* P. 178.

11 *Ibid.* P. 11, 215.

12 *Ibid.* P. 61.

результаты национальных опросов и на данные по США, собранные другими специалистами.

Свои полевые исследования Норгаард проводила в Быгдабы (это вымышленное название чтобы сохранить анонимность) – небольшом городе, где в силу культурных традиций большую роль играют лыжный спорт и близлежащие горы, а жизнь населения в значительной мере зависит от связанного с этим спортом туризма (поэтому здесь располагаются много спортивных организаций). Потепление климата, отсутствие льда на поверхности озера и бесснежные зимы очень болезненны для Быгдабы как в экономическом, так и в социальном плане (изменение климата неизбежно влечет за собой отказ от важных форм досуга и вынужденный пересмотр практик, определяющих повседневность). Жители городка, который исследовала Норгаард, составляли сплоченную общность, где сильны местные традиции. Они стремились к порядку, равноправию и сотрудничеству. Однако об изменениях климата в Быгдабы не говорили, эту тему никогда не обсуждали на местных собраниях, проблема оставалась невидимой. Норгаард подчеркивает при этом, что Норвегия – демократическое, социально ориентированное государство с очень низкими показателями социального неравенства, почти полным отсутствием безработицы, страна, граждане которой активно участвуют в общественной жизни, включая и деятельность по защите окружающей среды. Кроме того, норвежцы – одна из самых образованных наций в мире.

Книга «Жизнь в отрицании» убеждает, что гипотеза, согласно которой климатический тупик объясняется невежеством населения или неосведомленностью об опасностях, которые грозят планете, неверна. Дело не в нехватке информации. Автор неоднократно подчеркивает, что люди, с которыми она разговаривала, прекрасно отдают себе отчет, насколько серьезна проблема дестабилизации климата. Они располагают всеми необходимыми сведениями, но на их поведение это не влияет. Они живут так, словно проблемы нет.

В результате возникает некая «двойная реальность»: с одной стороны, отчетливое осознание климатических изменений, угрожающих следующим поколениям и повседневной жизни местных жителей, с другой, – огромное множество мелких будничных дел, которыми заняты люди. Как отмечает Норгаард, информация о климатической катастрофе слишком тревожна, чтобы ее можно было воспринимать как часть повседневности¹³. Между этими двумя плоскостями реальности не может быть точки соприкосновения. Жители Норвегии со-

знают важность проблемы, но эта тема не фигурирует в разговорах, планах или политической сфере¹⁴.

И все же из книги Норгаард видно, что речь не идет о бездействии, обусловленном цинизмом, эгоизмом или алчностью. Люди действительно испытывают беспокойство, но лишены возможности облечь свою тревогу в адекватные социальные формы. Им негде вести конструктивный разговор о глобальном потеплении.

Хотя такое известное психологическое явление, как усталость от информации об опасности и глобальной катастрофе, действительно имеет место, даже этот механизм не объясняет, почему в публичной сфере проблему климатических изменений столь упорно игнорируют. При этом нельзя сказать, что анализа подачи информации о глобальном потеплении в масс-медиа было бы достаточно, чтобы установить причины климатического дениализма. Так в чем же причина бездействия? Какими механизмами обусловлены отсутствие каких-либо мер и нежелание искать решение проблемы?

Исследования Норгаард показывают, что отрицание тоже требует усилий. Отсутствие реакции объясняется определенными социальными практиками, укорененными в нашей культуре. Активная деятельность ведет к ослаблению внимания. Иными словами, чтобы впасть в апатию, надо сначала приложить много усилий. Перед нами требующее определенно-го навыка умение переключаться с ежедневно поступающей информации о симптомах возможной катастрофы на улаживание различных мелочей, которыми мы занимаемся в полной уверенности, что наши дети и внуки уж как-нибудь проживут.

Один из ответов на поставленные выше вопросы заключается в том, что причина апатии – осознание гражданами необъятности и неразрешимости проблемы, в отношении которой они ощущают себя беспомощными. Беспомощность вызвана тем, что речь идет о «сверхковарной» (*superwicked*) проблеме, пути решения которой неясны, которая требует в корне пересмотреть нынешнюю экономическую политику и вдобавок не терпит отлагательства. Людям нужно ощущать, что их деятельность приносит плоды, а отсутствие этого ощущения и чувство потери контроля над ситуацией порождают сильные негативные эмоции¹⁵. Из-за этой подавленности люди не любят говорить о дестабилизации климата, избегают этой темы и неохотно думают о ней¹⁶. Участники исследования просто хорошо знали, что ничего не могут сделать в отношении климатических изменений, поэтому и не хотели заниматься этой

14 Ibid. P. 120 n., 186–187.

15 Ibid. P. 190.

16 Ibid. P. xix.

проблемой. Как известно из социологии эмоций, игнорирование – важная стратегия управления эмоциями. Тактика игнорирования предполагает контроль над информацией, с которой мы сталкиваемся. Норгаард приходит к необычайному, поразительному выводу: если бы проблема изменения климата была не столь тревожной и серьезной, общество активнее стремилось бы ее решить¹⁷.

Как подчеркивает исследовательница, люди уделяют внимание лишь тем проблемам, которые можно решить какими-либо действиями. Что касается изменения климата, здесь не понятно, к кому обращаться, с кем разговаривать, как выразить свою обеспокоенность в форме некой демократической инициативы. Большинство граждан продолжают следовать моделям активного потребления и дениализма еще и потому, что нет примеров конструктивной реакции на данную проблему – реакции, на которую можно было бы ориентироваться и которая за счет социальных контактов ускорила бы изменения. Иначе говоря, истоки дениализма – в отсутствии серьезной, четко сформулированной климатической политики, которую население могло бы поддержать. В сознании людей абстрактные идеи не накладываются на политические реалии. Апатии способствует и то обстоятельство, что, хотя абстрактная проблема дестабилизации климата непосредственно связана с повседневными практиками, ее вытесняют на уровень международных соглашений¹⁸.

Норвежцы и американцы, с которыми Норгаард общалась в ходе исследования, даже знать не хотели о проблеме глобального потепления, что было связано не только с ощущением бессилия, но и с чувством вины. Проблема, которую выявила Норгаард, необычайно интересна, потому что виноватым ощущает себя привилегированное население¹⁹. Например, по ее словам, среди рядовых граждан развитых стран бытует убеждение, что из-за чрезмерного потребления, которое влечет за собой боль-

17 Ibid. P. 217.

18 Как отмечает Роберт Гиффорд, люди понимают, что их индивидуальные усилия, направленные на снижение вредных выбросов, не дают достаточного результата, из-за чего и возникает фатализм. Этот фатализм порожден ощущением бессилия. См.: GIFFORD R. *The Dragons of Inaction. Psychological Barriers That Limit Climate Change Mitigation and Adaptation* // *American Psychologist*. 2011. Vol. 66. № 4. P. 297. Кроме того, люди настороженно относятся к авторитетам, призывающим их корректировать свое поведение во благо экологии (переходить на возобновляемые источники энергии, отказываться от воздушного транспорта), поскольку видят, что предлагаемые программы по охране окружающей среды часто неэффективны и трудноосуществимы.

19 Исследование, проведенное норвежским биологом Ханно Сандвиком на данных 46 стран мира, показало, что готовность населения поддерживать политику снижения выбросов обратно пропорциональна ВВП данного государства и объему уже выброшенных им в атмосферу парниковых газов. Чем выше ВВП страны и ее доля в мировом объеме выбросов парниковых газов, тем меньше энтузиазма ее жители испытывают в отношении проектов, направленных на стабилизацию климата. SANDVIK H. *Public Concern over Global Warming Correlates Negatively with National Health* // *Climatic Change*. 2008. Vol. 90. № 3. P. 333–341.

шой объем выбросов, мы «все попадем в экологический ад»²⁰. Чувство вины в сочетании с невозможностью повлиять на ситуацию ведет к резкому когнитивному диссонансу. Поэтому в описанной выше социальной обстановке люди начинают массово дистанцироваться от проблемы.

Красноречивый пример – население Норвегии, чья экономика и благосостояние напрямую зависят от добычи нефти. В Соединенных Штатах в свою очередь чувство вины связано с осознанием уникальных преимуществ американского общества в сфере потребления, равно как и его особой, ведущей, роли в мировой политике. Однако по сравнению с норвежцами американцы менее склонны участвовать в общественной деятельности. К тому же уровень образования в Америке существенно ниже. Более того, в американском обществе доверие к мнению специалистов бывает серьезно подорвано (например оспаривается учение об эволюции), что редко встречается в других развитых странах. Наконец, американцы крепко держатся за уверенность в исключительной ценности «американского образа жизни»²¹.

Хотя в мире в целом в отношении проблемы климатических изменений доминирует уже упоминавшийся имплицитный дениализм, в США на удивление уверенно чувствует себя и дениализм буквальный – даже несмотря на то, что именно в этой стране живут и работают наиболее заметные климатологи. Информация о возможной дестабилизации климата в Штатах остается лишь «фоновым шумом». По словам Норгаард, в 2000–2010 годах, даже после урагана «Катрина» в 2005-м, интерес к проблеме дестабилизации климата в стране нисколько не вырос²².

В таком дениализме по отношению к климатическим изменениям виноваты и стратегии коммуникации, посредством которых люди поддерживают пассивное поведение друг друга и которые тоже описаны в книге Норгаард²³. За пределами приватной сферы действуют свои нормы общения и поведения – наивность, например, порицается. Вот почему утопические рассуждения звучат неуместно. В климатических алармистах видят истериков, транслирующих негативные эмоции, тогда как на Западе в публичных дискуссиях эмоциональное поведение не принято, поскольку свидетельствует о слабости участника. Беспомощность – крайне неприятное чувство: никто не

20 NORGAARD K.M. *Op. cit.* P. 195. В нарративах об изменении климата, построенных на риторике вины, встречается и другая поразительная метафора – «экологический Холокост». Понятие Холокоста в этом контексте употребляется как синоним абсолютного зла. CRAPS S. ET AL. *Memory Studies and the Anthropocene. A Roundtable // Memory Studies*. 2018. Vol. 11. № 4. P. 9.

21 NORGAARD K.M. *Op. cit.* P. 202.

22 *Ibid.* P. 177–183.

23 Разумеется, способ подачи материала в СМИ и в заявлениях различных авторитетов в равной мере влияет на то, какие именно темы оказываются вытеснены из публичной сферы.

хочет ощущать себя интеллектуально парализованным. Эти правила на не вполне сознательном уровне благоприятствуют отрицанию и укрепляют дениализм²⁴.

Отрицание и чувство вины, равно как и бессилия, в развитых странах сопутствуют и другим серьезным глобальным проблемам: голоду, нарушению прав человека и экономическому неравенству. Это неизбежное состояние привилегированных сообществ и групп²⁵. Дениализм соотносится с привилегированным положением тех, кому царящее в мире неравенство особенно выгодно. Поэтому можно говорить о своего рода «климатической привилегированности».

Цивилизация комфорта и высоких потребительских требований должна выработать инструментарий, позволяющий ответить на вопрос: как получается, что, хотя мир строится на эксплуатации и страдании, мы живем в таких безопасных и благополучных обществах? Наиболее типичной реакцией тех, кто находится в привилегированном положении, в таких обстоятельствах является: «Какое отношение лично я имею ко всему этому?». Без отрицания рядовые граждане утратили бы психологический комфорт.

Более того, благосостояние развитых стран напрямую связано со все более трудным положением и бедностью населения в других частях мира. Так что, по мнению Норгаард, климатическая катастрофа не проблема будущего, а свидетельство прискорбного состояния современной мировой политики, основанной на неравном распределении ресурсов. Глобализация торговли усилила экономическое неравенство, тем самым способствуя и экологической деградации. Выигрывают от этого те же, кому выгодна глобализация: наиболее мобильные и застрахованные от опасности группы. В таких условиях нам, жителям развитых стран, и впрямь надо изрядно потрудиться, чтобы сохранить уверенность, что мы здесь ни при чем²⁶. Но нам это удастся! Подход Норгаард к обсуждаемой теме наводит на мысль, что от наших коллективных эмоций зависят и границы нашего воображения. Именно из-за сопряженных с ней эмоций апатия парализует социально-политическое воображение общества.

БЕССИЛИЕ НАУКИ

Я уже много раз касалась проблемы бессилия, непосредственно связанной с климатическим тупиком. Наоми Орескес и Эрик М. Конуэй – специалисты по истории науки и авторы одной из

24 Ibid. P. 201.

25 Ibid. P. 208.

26 Ibid. P. 221–222.

первых работ о плодах скептического отношения к глобальному потеплению²⁷ – издали в 2014 году небольшое научно-фантастическое произведение, в котором изобразили упадок западной цивилизации, вызванный дестабилизацией климата²⁸. Это стилизованное повествование – пример риторики бессилия в отношении описанного выше климатического тупика. Авторы в жанре научной фантастики объясняют, какие возможные перспективы будущего перед нами сегодня открываются.

В интервью, опубликованном в качестве приложения к повести, Орескес говорит, что решила обратиться к научной фантастике, потому что как историк науки не могла найти удовлетворительного ответа на мучающие ее вопросы о причинах тотального провала проектов по охране окружающей среды, который мы наблюдаем сегодня²⁹. Художественное осмысление будущего позволило авторам рассуждать на интересующую их тему отвлеченно.

Важно подчеркнуть, что написанное в повести Орескес и Конуэя в мельчайших деталях соответствует данным о современном состоянии климата и климатической политики. Видения будущих катастроф, нарисованные авторами, правдоподобны, так как основаны на новейших эмпирических исследованиях. Поэтому имеет смысл остановиться на этой работе подробнее³⁰.

«Упадок западной цивилизации. Картина будущего» – рассказ историка будущего, который пытается уяснить причины царившей в XXI веке апатии, из-за чего стратегии в области климатической политики, направленные на снижение загрязнения, не увенчались успехом³¹. Рассказчик задается вопросом: как дошло до упадка, если люди понимали, что происходит? Ведь они располагали средствами, необходимыми, чтобы защитить себя. Почему же им не удалось применить свои знания на практике? Мы пытаемся найти ответы на те же вопросы.

Рассказчик перечисляет тягостные события XXI столетия, начавшегося с публичных нападок на сторонников тезиса о том, что существует проблема глобального потепления, вызванного человеческой деятельностью. Их окрестили опасными алармис-

27 См.: ORESKES N., CONWAY E.M. *Merchants of Doubt. How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming*. New York: Bloomsbury Press, 2010.

28 ИДЕМ. *The Collapse of Western Civilization. A View from the Future*. New York: Columbia University Press, 2014.

29 Ibid. P. 64–66.

30 В повести Орескес и Конуэй к тому же напрямую отсылают к категории антропоцена. Авторы высказывают предположение, что будущее докажет архаичность понятия «окружающая среда», которое бесосновательно отделяет человека от того, что вне его.

31 Любопытно, что к аналогичному риторическому приему прибегла и Рейчел Карсон в книге «Безмолвная весна», где автор с позиций гипотетического будущего задается вопросом, как получилось, что весна стала безмолвной – не слышно пения птиц: CARSON R. *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin, 1962 (рус. перев.: КАРСОН Р. *Безмолвная весна*. М.: Прогресс, 1965). По тому же принципу строится повествование в парадоксальном научно-фантастическом фильме Фрэнни Армстронг с красноречивым названием «Век глупцов» (2009), где изображены последствия климатической катастрофы.

тами. В 2025 году триста ученых в Соединенных Штатах даже подверглись судебному преследованию за то, что сеют панику в массах, угрожая общественному порядку. В конце концов, эту преступную деятельность обуздали, введя своего рода климатологическую цензуру – «Закон об отрицании повышения уровня моря» (The Sea Level Rise Denial Bill)³². Этот закон запрещал опрометчивые высказывания на тему мнимого риска, сопряженного с дестабилизацией климата.

Кроме того, начало XXI века ознаменовалось резким ростом добычи газа, который оправдывали тем, что природный газ рассматривали «ступенькой к возобновляемым источникам энергии». Применяются все более радикальные технологии добычи ископаемого топлива – например, извлечение его из битуминозных песков.

В 2012 году, после того, как Россия заключила соглашение с американской энергетической компанией «ExxonMobil», начался поиск нефтегазовых месторождений на территории, ставшей доступной после таяния арктических льдов. И если 2012-й СМИ нарекли «годом без зимы», то 2023-й вошел в историю как «год непрерывного лета». Следующие десятилетия XXI века – период, когда отдельные государства начали постепенно выходить из заключенных ранее климатических соглашений, направленных на снижение выбросов.

К 2042 году средняя температура на Земле повысилась на 3,9°C, а количество CO₂ в атмосфере увеличилось вдвое (по сравнению с 2001-м). Засухи и периоды аномальной жары во многих странах мира привели к введению карточной системы, а в области биополитики – к тактике ограничения рождаемости. В 2041 году погодные условия оказались столь неблагоприятными, что в Северном полушарии не удалось собрать никакого урожая, что привело к повсеместной панике и страшному голоду. Эти события сопровождалась эпидемиями и массовыми беспорядками. Во многих государствах Африки и других континентов произошли перевороты. В Соединенных Штатах ввели военное положение.

Швейцария и Индия, лишившись воды, источником которой были почти полностью растаявшие ледники, в начале 2050-х годов созвали международный климатический саммит. В результате в 2052 году стартовал международный геоинженерный «проект Крутцена»: благодаря насыщению стратосферы серным аэрозолем за первые три года средняя температура на Земле значительно снизилась. К сожалению, на четвертый год после внедрения тактики геоинженерии в Индии полностью прекратился муссон. Индия призвала мир прекратить

32 ORESKES N., CONWAY E.M. *The Collapse of Western Civilization...* P. 12.

распыление серы в стратосфере. В 2063 году приостановка «проекта Крутцена» привела к последствиям, которые, впрочем, предвидели его создатели: резкому повышению средней температуры на 5° С. Человечество наблюдало разрушение известных ему политических и экономических структур.

Полностью Арктика растаяла в 2060 году. Начался так называемый «эффект Сагана» – высвобождение метана из вечной мерзлоты в Сибири. В результате температура на Земле выросла еще на 6° С. Затем начал ломаться ледяной щит Антарктиды. Таяние льда на этом континенте обернулось резким повышением уровня воды в Мировом океане – на восемь метров. Началась эпоха массовой миграции, охватившая 2073–2093 годы. Почти 20% населения Земли пришлось сменить место жительства, покинув затопленные прибрежные города и села. 70% населяющих планету видов живых существ вымерли.

Как же получилось, что цивилизация пришла в упадок, коль скоро люди не только прекрасно знали, что происходит, но и располагали техническими возможностями остановить деятельность, из-за которой род человеческий оказался на грани катастрофы? Одной из причин, как полагает рассказчик, могла стать «свойственная человеку оптимистическая уверенность, что он ко всему приспособится»³³. Чрезмерный оптимизм такого рода побуждает возлагать надежду на спасительные технологические решения будущего. Его воплощением стала инженерия.

Живущий в будущем рассказчик обращает внимание и на роль другого подхода, характерного для мышления людей в начале XXI века. Речь идет о позитивизме, точнее, бэконизме (по имени Фрэнсиса Бэкона, одного из родоначальников эмпирического метода в науке). Именно он мог стать причиной коллективного отрицания глобального потепления. Позитивизм требует придерживаться принципа методологической осторожности и научного профессионализма. Закономерности, на которые в начале XXI века указывали климатологи, не выглядели как однозначные причинно-следственные связи. Ни один специалист, понимающий, что происходит, не хотел выходить за рамки своей профессиональной компетенции. Такая установка могла в значительной мере ухудшить положение дел. Мир продолжал пребывать в тупике. Проблему усугубляла и фрагментарность науки. Ученые опасались формулировать целостные, апокалиптические концепции, потому что их с большой долей вероятности называли бы непрофессиональными.

Однако скорее всего причиной Великого упадка и массовой миграции послужила логика функционирования западной ци-

33 Ibid. P. 13.

визации, которую определял рыночный фундаментализм. Он способствовал появлению мощного «комплекса сжигания угля»³⁴. Этот комплекс включал в себя щедро финансируемые из государственного бюджета энергетические компании, автомобильные предприятия, связанные с ними финансовые рынки и политиков – наряду с мейнстримными СМИ и аналитическими центрами, которые поддерживали эту систему. Поскольку решающая роль в политике и экономике принадлежала комплексу сжигания угля, западная цивилизация пришла в упадок, хотя люди знали, что происходит с климатом, и обладали техническими возможностями сократить выбросы парниковых газов.

Повесть «Упадок западной цивилизации» свидетельствует о том, что ученые, которые сознают масштаб проблемы, связанной с крахом климатической политики, крайне обеспокоены. Многие специалисты в области наук о Земле, в частности, Крутцен и Хансен, а также Майк Халм и Уилл Стеффен, понимая всю серьезность климатической угрозы, предприняли решительные шаги, чтобы их экспертное мнение приобрело политический вес и подтолкнуло общество к изменениям. Мы наблюдаем массовое и целенаправленное перепрофилирование ученых в активистов, которых следовало бы назвать своего рода экологическими гуманистами³⁵. Многие из них ломают голову, какие метафоры и образы использовать, чтобы как можно скорее добиться мер, направленных на стабилизацию климата³⁶. На мой взгляд, эти изощренные риторические усилия и сложные теоретические рассуждения сами по себе показывают, насколько бессильными ощущают себя представители интеллигенции против климатического тупика. Перед нами свидетельство климатической апатии, в которой до сих пор пребывает XXI век.

Перевод с польского Татьяны Пирусской

34 Ibid. P. 78.

35 Известно, что у исследователей, занимающихся точными науками, намного больше шансов на внимание скептиков и что они обладают большим авторитетом, нежели представители гуманитарных дисциплин: CASTREE N. *The Anthropocene and the Environmental Humanities* // *Environmental Humanities*. 2014. Vol. 5. P. 250–251. При этом в академической системе наград недостаточно учитываются заслуги, выходящие за рамки университетской среды, в том числе консультационная деятельность (например участие в разработке эффективных программ охраны окружающей среды).

36 ORESKES N. *Metaphors and Warfare and the Lessons of History. Time to Revisit a Carbon Tax?* // *Climatic Change*. 2011. Vol. 104. P. 223. Пожалуй, особенно трогательны в этом отношении тексты Джеймса Хансена. В книге «Бури моих внуков. Правда о надвигающейся климатической катастрофе и наш последний шанс спасти человечество» он неоднократно размышляет, какие, например, совершил ошибки, пытаясь еще с 1980-х обратить внимание представителей власти и Конгресса США на серьезность проблемы климатических изменений (HANSEN J. *Storms of My Grandchildren. The Truth about the Coming Climate Catastrophe and Our Last Chance to Save Humanity*. New York: Bloomsbury Press, 2009).